

Кэтрин С.

Англо-индийская расовая война 1857 года

Не связывайтесь с Индостаном. [1]

Оригинал: Kathryn S. The Anglo-Indian Race War of 1857

Источник: <https://counter-currents.com/2020/09/the-anglo-indian-race-war-of-1857/>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Это началось с передаваемых шепотом слухов. В том, что должно было быть знакомым сценарием, ложные рассказы и необоснованные слухи о предательстве белых разжигали истерию цветных людей – убийства, беспорядки, и пожары пожирали сельскую местность. Это был самый драматический эпизод для британцев в девятнадцатом веке, и он произошел на удалении тысяч миль и через океаны от Европы. Хотя его и нельзя назвать совсем малоизвестным, но он стал лишь исторической сноской, с которой многие образованные люди почти совсем незнакомы (по крайней мере, на этой стороне Атлантики).

Ни одна другая колониальная катастрофа не была сравнима по интенсивности крайнего возбуждения среди общественности с тем, что вызвало восстание индийских сипаев в 1857 году. Чарльз Диккенс, человек, не известный своей поддержкой британского империализма, был также охвачен этим возбуждением. В письме одной своей подруге, написанном в октябре 1857 года, Диккенс писал:

«Жаль, что не я командую нашими войсками в Индии. Мне, безусловно, не пришло бы в голову обращаться с повстанцами как с жителями лондонского Стрэнда или Кэмден-Тауна. Первым долгом я удивил бы этих восточных людей, обратившись к ним на их собственном языке. «Мой пост, – объявил бы я, – милостью божией ниспослан мне лишь для того, чтобы всеми способами постараться истребить эту расу, запятнавшую себя недавними злодеяниями». Я попросил бы их в виде личного одолжения заметить, что приехал именно с этой целью и намерен без лишних слов, не откладывая, быстро и по-деловому стереть их всех с лица земли и отправить в иной мир». [2]

Ну, я всегда думала, что его тон свидетельствовал о некотором восхищении мадам Дефарж, которое доминировало на каждой странице, на которой он писал о ней. Но Диккенс был вовсе не одинок в призыве к новому *Requerimiento*. И реакция на Восстание тоже не ограничивалась одной лишь Великобританией, но американцы также были взволнованы этим разгромом. Жительница Южной Каролины Мэри Честнат дрожала от ужаса, когда она заметила, что «их [индийские] физиономии столь похожи на те, что есть у нас дома». [3] Восстание цветных против белых на противоположной стороне мира усилило страхи южан перед восстанием черных рабов, которое могло бы вызвать подобные ужасы в их *собственном* мире. [4] Яркие истории об Индийском восстании, возможно, способствовали крайне эмоциональной реакции южан на рейд Джона Брауна на Харперс-Ферри, Вирджиния, всего два года спустя. Призрак бродячих групп мужчин с темными лицами и мерцающими белыми усмешками, с насилием и убийством в их головах, преследовало Юг, и в некоторых местах усиливало напряженность в отношениях. Взгляды ужесточались, и ополченцы удваивались и в количестве, и в решимости.

Несомненно, то масло, которое подливалось в огонь британского и американского безумного возбуждения, происходило большей частью из бурного пересказа самых разных историй, повторяемых и распространяемых пропагандистской прессой. Газеты девятнадцатого века были, возможно, даже худшими жаждущими сенсаций шлюхами, чем сегодняшние желтые листки. Взгляд на любителей сенсационных разоблачений «Позолоченного века» и их репортажи, которые с радостью в мельчайших деталях изучали каждую криминалистическую деталь последнего возмутительного поступка, должен доказать любому, что средства массовой информации всегда были одинаковы. У Джека Потрошителя нигде не было больше преданных и восторженных поклонников, чем в лондонской прессе. В случае Мятежа 1857 года, вызывающие тошноту правдивые случаи варварства, служили для того, чтобы сделать менее правдивые истории кажущимися вероятными. Это было вполне применимо, поскольку и вся эта история началась с вызвавшего ненависть обмана.

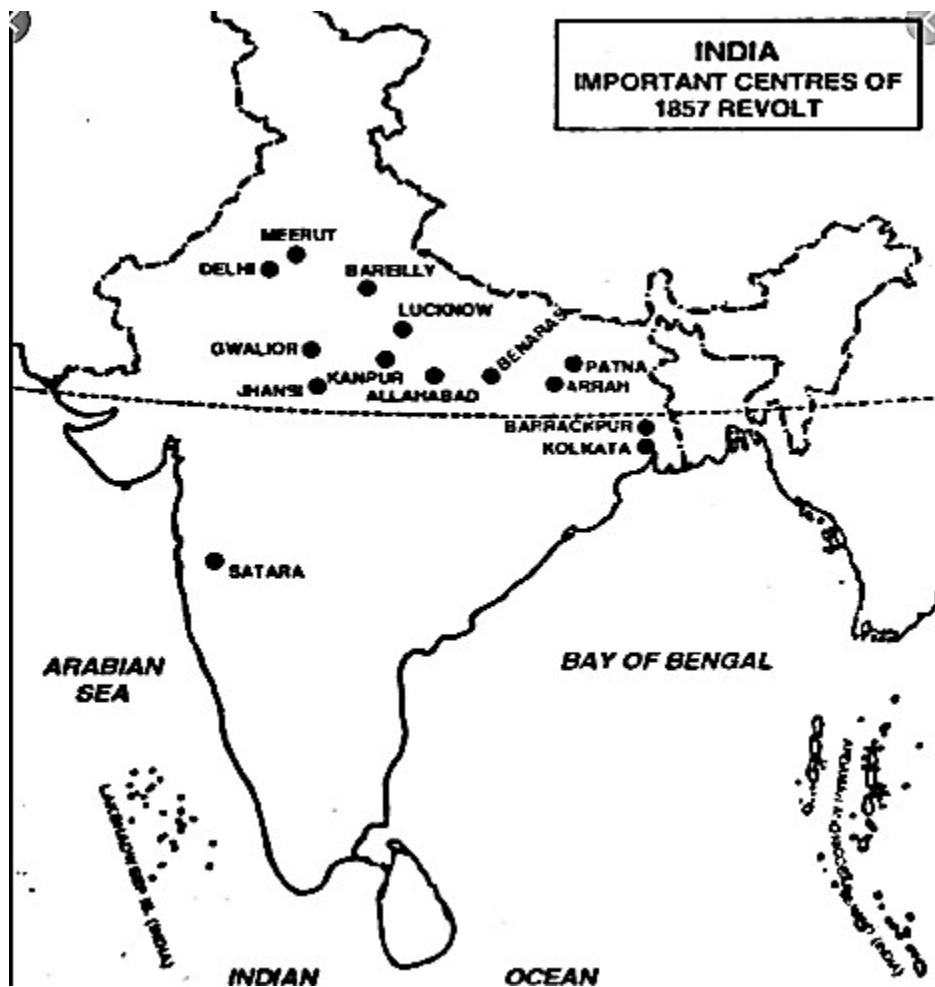
К весне 1857 года сипайский полк (т.е. сформированный из местных индийцев) в Мируте, в сорока милях от Дели, решил, что с него хватит. Британцы уже арестовали и казнили одного индийского солдата, который протестовал

против вооружения армии, затем они публично посрамили остальную часть его сторонников. Теперь их собственные британские офицеры запланировали вынудить их всех принять участие в учениях с использованием новой партии винтовок «Энфилд», винтовок, запатентованных несколькими годами ранее и распространяющихся по всей Империи. Большинство сипаев из Бенгалии было гордыми членами высших каст, таких как раджпуты и другие «расы воинов» северной Индии. Они были чувствительны ко всему, что могло бы подвергнуть сомнению их статус или честь.

Винтовка «Энфилд», которая так беспокоила этих воинов, выпускалась с нарезным стволом, который с силой выпускал пулю Минье по винтовым наредам, что приводило к лучшей дальности стрельбы и точности оружия. Сами винтовки не были проблемой; проблемой были предварительно смазанные жиром бумажные гильзы с порохом, которые шли в комплекте с винтовками. Для использования патронов солдаты должны были открыть их, укусив и/или разорвав, чтобы засыпать порох в дуло винтовки. [5] В ходе этого процесса небольшое количество жира, которым была пропитана упаковка, обязательно попало бы в рот солдату. Никто не знал, где или как возник этот слух, но он распространялся из уст в уста, по каналам, всеобщим для колонизированных и непостижимым для колонизаторов, и он скоро привел к тому, что значительная часть туземной армии Британской Ост-Индской компании взбунтовалась в открытом восстании. Жир на упаковке патронов, так гласил слух, был сознательно сделан из говяжьего и свиного жира, чтобы оскорбить верующих индусов и мусульман. [6] Британцы якобы специально спланировали, чтобы их сипаи ели жир, взятый у запрещенных животных, таким образом превратив их в изгоев, членов низших каст, которые теперь не смогли бы вернуться в свои дома и семьи. Это разорвало бы связи с их религией. Они были убеждены, что британцы хотели обратить их в христианство. Нужно было что-то делать.

Утром 12 мая 1857 года к капитану Генри Парлетт-Бишопу из бенгальского артиллерийского подразделения поступила депеша из Мирута. Его запись в дневнике в то утро была краткой и обескураженной: «услышал... от посыльного (телеграфные провода были перерезаны), что произошли серьезные беспорядки, столкновение между сипаями и европейскими офицерами, в которых были убиты несколько последних». [7] Сипаи в Мируте действительно убили своих британских командиров в течение прошлой ночи и затем двинулись на Дели, местонахождение формального правителя ослабленной и униженной Империи Великих Моголов. Там, они присоединились к другим своим товарищам в этом городе и объявили, что Император Моголов Бахадур Шах II снова обладает всей полнотой власти. Получив оперативную базу, местный мятеж перерос в народное восстание, в котором приняли участие сыновья Императора, включая печально известного пешву Нана Сагиба; менее знатные индийские аристократы, недовольные тем, что англичане отобрали их земли и ренту; и крестьяне, возмущенные британскими реформами, которые угрожали

их традиционному образу жизни – все они восстали в пожарище, охватывающем большую часть северных и центральных штатов. Британцы официально столкнулись с кризисом. Как же дошло до этого?

Основные центры Сипайского восстания в Индии в 1857 году

Индия и британцы до восстания

Как и большинство катастроф, которые, казалось, появились из ниоткуда, незаметные, но увеличивающиеся уровни трения в течение многих лет, наконец, заставили линии раскола социального негодования разломать землю надвое под ногами империалистов, рассеивая их иллюзии относительно британского контроля и индийского послушания. Во время Восстания приблизительно 45 000 белых и примерно 300 000 индийцев служили в британской армии Индии. Империализм всегда был опасным бизнесом для европейцев, но он оказался для них слишком захватывающим спортом, чтобы они могли от него отказаться. Мы также частично должны благодарить его за сегодняшнюю моду привлечения самоубийственного количества цветных мигрантов, заполняю-

щих нынче наши белые страны. В прежние века, однако, империализм привлекал к себе самых лучших представителей инициативного и предприимчивого индивидуализма, который поддерживал стремление европейцев к славе и богатству. Это, соединенное с коллективным духом, исходящим от «сильных богов» монархии, нации и церкви, целенаправленно поддерживало усилия отдельных людей. [8] Эти две силы сделали эпоху Великих географических открытий и колониализма/империализма, от конца средневековой эры в 1492 году через эру промышленной модернизации вплоть до 1914 года наиболее поразительным полутысячелетием имперского успеха со времен Древнего Рима. [9] К середине девятнадцатого века особенно Британская империя сделала покорение мира своей навязчивой идеей. В 1857 году владения Британии охватывали шесть континентов – но драгоценным камнем ее империи была Индия.

В отличие от большинства других британских территорий, у Индии было огромное население. Ее общества и культуры были интересными и развитыми. Хотя Индия была изолирована внушительными Гималайскими горами на севере и Гиндукушем на западе, она была землей завоеваний. Британцы были только последними в длинном ряду захватчиков, которые включали арийских индоевропейцев приблизительно в 1500 году до н.э., персов (на короткое время) приблизительно в 500 году до н.э., и Александра Македонского (на еще более короткое время) в 326 году до н.э. Тюрки, арабы, Сефевиды и Моголы последовали за ними. Эти более ранние пришельцы попадали в Индию через узкие долины и перевалы, такие как Хайберский проход в Афганистане. К тому времени, когда британцы в течение семнадцатого и восемнадцатого веков проникли в Индию по морю и сделали свое присутствие в регионе ощутимым, та Индия, которую они там обнаружили, была древней страной глубоко укоренившихся культур и обычаев, которая ассимилировала чужеземных завоевателей в той же степени, в которой она сама переняла их обычаи и привычки. Многие из ее народностей придерживались строгой кастовой системы и были разделены между религиями индуизма, буддизма и ислама. Ориентироваться среди этих культур, обычаев и ландшафтов было монументальной задачей для британцев, и это потребовало сотрудничества с самими индийцами.

Перед Восстанием 1857 года британское правительство не управляло Индией непосредственно, но операции на Субконтиненте производились через Британскую Ост-Индскую компанию (British East India Company, EIC), структуру, которая начиналась как якобы частное предприятие, финансируемое британскими акционерами (правительство в конечном счете купит значительные доли акций Компании). Ее самые важные инвестиции были в индийской торговле специями. В семнадцатом и восемнадцатом веках Великобритания оказалась в состоянии конкуренции с другими европейскими торговцами, которые также хотели увеличить свое экономическое влияние в Индии. Семилетняя война (1756-1763), в которой воевали преимущественно британцы, пруссаки и их союзники против французов, австрийцев и их союзников, была мировой

войной. Поэтому у ее исхода были такие же всесторонние последствия, и одним из них было укрепление британского присутствия в Индии за счет других западных держав.

Битва у Плесси в 1757 году, в которой сражались «частная» армия Ост-Индской компании под командованием генерала Роберта Клайва и войска наваба (или короля) Бенгалии Сираджа уд-Даулы, поддерживаемого французами, закрепила британские приобретения на северо-востоке. Одним из мотивирующих факторов для британцев были сообщения о том, что несколько месяцев назад уд-Даула внезапно захватил почти 150 британских солдат и гражданских лиц и посадил их в одну камеру в тюрьме в Калькутте. В этой тюремной камере можно было содержать одновременно только трех заключенных. Большинство англичан умерли от высокой температуры и давки. Темница стала известна как Калькуттская «черная яма».

В Плесси Клайв осуществил свою месть и подкупил индийского командующего Мир Джафара Али Хана, чтобы тот предал наваба. Когда в ходе сражения ситуация для индийцев стала самой отчаянной, Джафар совершил измену и отказался пойти на помощь уд-Дауле. Вместо этого он держал свои войска позади на левом фланге, и довольствовался тем, что пассивно наблюдал за резней. Вскоре после этого его новые британские союзники захватили уд-Даулу в плен и объявили о своей победе. Они казнили наваба и посадили Джафара на свободный бенгальский трон, как и обещали. До конца восемнадцатого столетия Компания постоянно приобретала все большие территории, и на те части Индии, которыми они не управляли непосредственно, они влияли через комбинацию угроз и привилегий, нацеленную на индийских правителей.

Для многих британцев Индия была огромным местом реабилитации. Третьи сыновья или опозоренные офицеры могли убежать от своих соотечественников и либо искупить свою вину на службе в колонии, либо устроиться в таком месте, где они бы пользовались уважением как «важные люди», что было бы невозможно, останься они дома. Генерал Чарльз Корнуоллис наслаждался второй и славной карьерой генерал-губернатора в Индии после своего поражения в Йорктауне. Он был ответственен за победу в Третьей англо-майсурской войне в 1792 году против правителя Майсура, Типу Султана по прозвищу «Тигр». Типу сам был удивительным человеком, любившим коллекционировать европейскую литературу и искусство. Он заполнил целые комнаты своего дворца «зеркалами, часами, телескопами и фарфором» с Запада. [10] После его окончательного поражения и смерти в 1799 году, после Четвертой англо-майсурской войны, британцы нашли среди имущества Типу механическую скульптуру французского производства, которая издавала жуткие звуки из встроенного органа: это был тигр, разрывающий горло лежащего ничком и стенающего английского солдата в красном мундире. Это было слишком хорошим сокровищем, чтобы его упустить, и британцы отправили его в Англию, где

эта фигурка теперь принадлежит Музею Виктории и Альберта, в котором хранятся любопытные предметы из колоний.

Тигр Типу в Музее Виктории и Альберта, Лондон

В первые годы британских вторжений в Индию люди, которые путешествовали туда, обычно не привозили с собой жен, и поэтому смешение рас и все виды межрасовых отношений были распространенным явлением. Очень многие британские переселенцы заканчивали тем, что перенимали образ жизни и нормы индийцев, так что «превращение в туземца» стало целым жанром литературы. Парламент начал традицию обвинения Ост-Индской компании в неумелом руководстве и в коррумпированной практике сбора налогов ее чиновниками, поддавшимся тяжелой форме тропической болезни, известной как «восточный деспотизм». Пока британский плацдарм в Индии оставался незначительным, эта квазиассимиляция была стратегической потребностью (той, в котором их французские конкуренты были мастерами). Завоевание и сохранение благосклонности населения и местных князей были жизненно важны.

К девятнадцатому веку стратегические потребности изменились. Хотя британцы все еще полагались на сотрудничество с индийскими элитами, их упрочившееся положение положило начало новому виду колониализма и философии. Британцы начали переезжать в Индию с женами и семьями. Строились английские школы и церкви как для белых, так и для индийцев; быстро развивались миссионерские усилия; налоговые законы были «преобразованы» так, чтобы приносить выгоду Компании. Британцы устраивались в Индии как у себя дома и приносили с собой современные западные идеи и инфраструктуру.

Это всё шло так гладко, что член Верховного совета Индии Томас Бабингтон Маколей, великий сторонник просвещения и превращения английского языка

в привилегированный язык индийцев, который те должны был бы предпочесть арабскому и санскриту, с либеральной убежденностью вигга заявил, что «Индия может расширяться под нашей [британской] системой, пока она не переросла эту систему... переняв европейские знания, они [индийцы], в будущем могут потребовать европейских институтов». И этот день, провозгласил Маколей, «будет днем самой большой гордости в английской истории». И этот день, очевидно, опустил бы день битвы при Азенкуре на второе место. Британцы «нашли великий народ, погруженный в самую глубокую [яму]... суеверий, [и] управлять ими так, чтобы они желали и были способны пользоваться всеми привилегиями граждан, это действительно дало бы нам право прославлять все наше собственное». [11] Это возвышенное заявление в 1833 году, возможно, было первым (но далеко не последним), когда колониальный лидер объявил о планах отказаться от своей колонии в ожидании проявления праведного великодушия. К его удивлению, я уверена, не любовь к британскому «просвещению» и «знаниям» заставила многих индийцев два десятилетия спустя потребовать, чтобы британцы убралась прочь. Скорее это были их презрение и ненависть к тем самым «европейским институтам». Большое количество людей северной Индии отвергло Маколея и его западный патернализм, выбрав вместо этого быстрое обретение независимости путем восстания.

Восстание и его последствия

К июню 1857 года мятежники закрепились в Дели и высылали конные отряды на прилегающие территории, разжигая там волнения. Многие индийские аристократы и их подданные всюду на севере присоединились к беспорядкам. Страх мучил белых в британской армии. В письме, датированном 6 июня 1857 в городе Лакхнау (Лукнов), лейтенант Октавиус Л. Смит попросил, чтобы его мать простила его за плохой почерк, и далее писал:

«Если [эти] мои дикие описания неразборчивы и, мягко говоря, бессвязны, и во всем остальном мое письмо неудачно, то ты должна объяснить это 'Мятежом' и его воздействием... Только что поступили новости, что подслушали о том, что готовится заговор с целью... убить всех офицеров в туземных полках сегодня вечером... У всех нас есть пистолеты, у некоторых револьверы, у других кавалерийские пистолеты» ... [12]

Той ночью Смит и другие белые офицеры, без сомнения, забаррикадировали свои двери. Если им вообще удалось уснуть, то они спали в своих кроватях с судорожным напряжением, прижимая пистолеты к груди.

Британцы и лояльные им индийские солдаты отвоевали Дели, затем свергли Императора. Но к тому времени последователи Нана Сахиба были в движении, и в июне они и дезертировавшие сипаи осадили лагерь британцев в городе Канпур. Значительно уступая в численности войск и с небольшой надеждой на приход подкреплений для снятия блокады, генерал Хью Уилер согласился

сдать свои позиции в обмен на гарантию безопасного прохода его войск, вместе с их женами и детьми. Это решение, как оказалось, было фатальной ошибкой и отражением резни при осаде форта Уильям-Генри, которая произошла почти точно за сто лет до этого во время Франко-индейской войны (североамериканский театр Семилетней войны). Когда британцы и их индийские союзники оставили город, готовясь пересечь реку Ганг, сипаи напали на них со всех сторон. Другие набросились на раненых солдат, отставших от колонны, и начали убивать их мечами и кукри (индийские мачете). После того как убийства пошли на спад, индийские конники въехали в воду, чтобы прикончить всех, кто еще остался в живых. Только четверем мужчинам удалось убежать. Двести выживших британских женщин и детей затем отправили назад в Канпур как заложников.

Эти заключенные томились больше двух недель в небольшом здании, что облегчило распространение среди них смертельных случаев холеры и других болезней – пока Нана Сагиб не узнал, что скоро придут британские войска и, вероятно, выгонят его. Что произошло потом, все еще остается предметом споров, но, согласно большинству рассказов того времени, Нана Сагиб решил, что от заложников следует избавиться. [13] Поэтому он приказал, чтобы сипаи по его приказу убили всех женщин и детей. Когда они отказались выполнить этот приказ, Нана Сагиб предположительно нашел местных мясников, чтобы те выполнили это задание. В сцене из преисподней нанятые убийцы приступили к своей кровавой работе и в течение нескольких часов резали двести гражданских лиц на части своими ножами и секачами. Затем они сбросили останки жертв в колодец. Некоторые были все еще живы, когда они оказались сброшенными вниз и погребенными под своими мертвыми и искалеченными близкими. У читателей может перехватить дыхание от этого драматического описания, но я даже смягчила его.

После того, как британцы в середине июля отвоевали Канпур, они обнаружили зверскую сцену и жуткий колодец ужасов. Переполненные слезами шока, затем отвращения – и, наконец, ненависти, для описания которой не хватало слов, британцы изменили свою тактику. Они теперь вели уже не войну ради возвращения потерянного, а войну ради возмездия. Репрессии в Канпуре были ужасны. Британцы собрали всех тех, кого они считали ответственным за резню (или, по крайней мере, не окончательно невиновными в ней). Некоторых несчастливых индийцев заставили слизывать кровь с пола и стен, где убитые белые были разделаны на куски их соотечественниками. Других вынудили есть сырое мясо свиней и коров, пока их хлестали плетью слуги из низших каст. Только после того как они вынесли эти унижения, их повесили.

После Канпура театр войны сместился к сражающемуся городу Лакхнау, осажденному мятежниками. С начала июня до середины ноября 1857 года мужчины и женщины, оказавшиеся заблокированными в Лакхнау, переносили мучения, как эмоциональные, так и физические. Болезни и недоедание в равной

степени губили белых и индийцев. Кэтрин Бартрам, жена армейского хирурга, писала в июне о своем доме беженцев: «Мы получили письма от наших мужей, рассказывающие об их побеге из Гонды... [и] мы с благодарностью думали о том, что они... спаслись», и «мы начали надеяться на то, что... мы могли бы встретиться с ними снова». К июлю умерли несколько членов ее группы, и страдающая Кэтрин признавалась, что «все становятся подавленными; нет никаких новостей о снятии осады; они говорят, что нас забыли, и что подкрепления никогда не придут». Ее рассказ читается как «американские горки» эмоций, она то с радостью записывает новость о том, что спасители близко, а затем подавлено признает в своем дневнике, что торжество было преждевременным. Наконец, 17 ноября, она быстро записала строку: «Услышала, что мы должны уехать из Лакхнау завтра ночью с только тем, что мы можем унести» ... [14]

К концу 1857 года войска Ост-Индской компании вернули контроль над большинством военных фортов и городов. Их жестокая политика включала разрушение и сожжение целых деревень, вселяя страх в сердца повстанцев и подавляя их боевой дух. Хотя нерегулярная борьба продолжалась и в начале 1858 года, это была к тому времени уже кампания зачистки. Соглашение в июле того же года официально закончило военные действия. Лидеры повстанцев и индийцы, признанные виновными в военных преступлениях, вполне буквально смотрели на стволы британской мести. Армия устроила драматическое зрелище массовой казни, которое Индия не скоро забудет. Артиллеристы привязывали виновных людей к дулам орудий, затем поджигали запалы. Нана Сагиб тем временем исчез, и о нем после этого больше ничего не слышали, по крайней мере, ничего не слышали британцы. Я рискнула бы предположить, что он сбежал на север в Непал или Афганистан, любимое место укрытия для преследуемых людей. Либо так, либо он был убит и остался безымянно гнить где-то в пыли.

Казнь плененных сипаев

Я должна отметить, что большинство индийских солдат оставалось лояльным британцам. Немного влиятельных индийских аристократов, которые, возможно, получили бы выгоду от британского поражения, приняли решение помочь восстанию. Ни большая часть центральной Индии, ни южная Индия не участвовали в восстании, так что тщеславные утверждения современных индийских националистов и академических постколониалистов, что Сипайское восстание якобы было «Первой войной за независимость Индии», звучат как крайне политизированные и напыщенные преувеличения. Было бы ошибкой приписывать всю лояльность/нейтралитет большинства индийцев их теплым чувствам к британцам. Прохладное отношение центральной и южной Индии к мятежникам объяснялось преимущественно тем, что в тех местах Мятеж воспринимался как мусульманское дело. Индусы южной Индии вовсе не желали сменить британцев на исламского императора из династии Великих Моголов. Независимо от поддержки повстанцев или нехватки такой поддержки Сипайское восстание 1857 года было расовой войной. Менее чем полная поддержка мятежных сипаев и их целей среди туземного населения доказали только один этот факт: не имеет значения то, сколько у белых есть «союзников» среди цветных; всегда будет существовать мучительное трение, перемежаванное насилием, везде, где существенное население белых и цветных живет рядом. Жестокие зверства происходили во время каждой войны. Но жестокость как военная стратегия имела место только во время расовых войн, когда на кону стояло нечто большее, чем просто территория. И британцы, и мятежники сделали жестокость своей основной тактикой, когда сражались в этой войне.

Впоследствии британское правительство отменило власть Ост-Индской компании, и Индия стала территорией Короны, которой непосредственно управляла королева Виктория (теперь Императрица Индии) в установившейся системе правления, известной как *Raj*, британское колониальное правление в Индии. Последующие десятилетия были заполнены британскими заверениями самих себя, что их новое колониальное правление якобы решило все проблемы и устранило злоупотребления со стороны Ост-Индской компании, некомпетентность которой, по-видимому, привела к Мятелу. Они участвовали в пропагандистской кампании, которая романтизировала Индию и преувеличивала любовь и верность индийцев Великобритании и королеве. Это было чем-то вроде другой кампании примирения во второй половине девятнадцатого века, происходившей в Америке, но менее убедительной (вероятно, благодаря тому факту, что бывшие воюющие стороны в Гражданской войне в США были представителями одной и той же расы). Более циничные наблюдатели отметили, что «Восстание создало наследие расовой ненависти, которая проникала во все аспекты отношений между правителем и управляемыми». [15] По крайней мере Сипайское восстание привело к годам подозрений и страха.

Мы очень счастливы вместе. Королева Виктория и индийцы.

Лунатики

Читая основные первоисточники о Сипайском восстании и о реакции, которое оно вызвало, я была впечатлена не только ужасом, но и шоком, выраженным колониальными офицерами и гражданскими лицами, все из которых предполагали, что до того, как началась стрельба, все было прекрасно. Статья в октябре 1857 года в лондонской газете *Times* удивлялась внезапной жестокости, проявившейся в массовых убийствах, ведь индийцы были, «по всей видимости, спокойными, зажиточными, удовлетворенными. Каждый день английское правление и английский закон делали успехи, и правление на протяжении ста лет, казалось, создало... установившееся повиновение и естественную лояльность». [16] Европейские туристы и путешественники когда-то чувствовали себя в безопасности в индийской сельской местности, в их письмах домой они сообщали о «стране вдоль Ганга... хорошо орошаемой с прекрасными полями зерновых, густо перемежаемыми финиковыми деревьями... Дорога, изобилующая паломниками в Храм Девы. ... Женщины в цветных, пестрых и позолоченных шелковых одеяниях, украшенных цветами... несущие или ведущие коз для жертвоприношений». [17] Они потчевали своих родственников дома в Англии и Шотландии живописными описаниями «великих празднеств мусульман, во время которых постоянно били тамтамы... люди били себя в грудь, и мусульмане всего мира [кричали]» ночами во время священного пиршества. [18] Индия и ее народы были экзотичны и красочны, и, конечно, там не было ничего, из-за чего следовало бы беспокоиться.

К 1858 году кое-что изменилось. Какой доносившийся издалека грохот «тамтамов» был восхвалением Бога, а какой был призывом к войне, и было ли между ними различие? Кто из женщин, одетых в яркие «пестрые» пояса, шел в храм, чтобы молиться за мир, и кто из них молился о мести? Когда белые туристы и ветераны скакали на лошадях по деревням и слышали грохот барабанов, исполняющих чужие песни и призывающих верующих на праздник, они больше не могли не замечать взгляды темных глаз, всматривающиеся в них через листья и приоткрытые окна, не могли отмахиваться от них как от взглядов, испытывающих благоговейное почитание примитивных людей. Не могли они и не обращать внимание на их песни как на безвредную лесть ложным идолам. Они теперь поняли, что это были взгляды охотников, кошачьи пристальные взгляды которых только казались тусклыми перед смертельным броском; что это были песни живых богов, поклонники которых, чтобы продолжить их почитание, окрасят кровью пальцы, руки, и лица в темно-алый цвет от только что убитой жертвы, и тела, которые упадут вниз с их пиршественных столов, будут принадлежать не козе, не ягненку, а англичанину. Все это они теперь видели в пристальном взгляде каждого «лояльного» сипая и слуги, от которого они отворачивались с содроганием.

Истинной причиной расовой войны 1857 года не был животный жир. Это было понимание индийцами того, что британцы пришли в Индию не просто для того,

чтобы делать деньги. Они были там, чтобы переделать Индию по своему подобию – проект Пигмалиона в основе всех колониальных империй и проект, который зависел от результата замены одного побежденного народа на другой. Если оставить в стороне чудовищное поведение, трудно обвинять индийцев в их желании, если не в исполнении этого желания, сбросить британское иго. Они поняли, либо британцы обоснуются в Индии надолго, продолжат привозить туда своих жен и семьи, и преобразовывать Индию в Британию Востока, постепенно заменяя ее коренные народы и культуры своим собственным; либо же в противном случае Индия должна сожрать британцев, отрыгнув и выплюнув навсегда тех, которых она не истребила полностью. Колонисты преобразовали малонаселенные области Северной Америки и Австралии по своему подобию, потому что они вытеснили местных жителей на самый край существования. Испанцы и португальцы в Латинской Америке не дали произойти чему-то столь же драматическому, но они сделали это за счет уничтожения самих себя посредством массового межрасового смешения. Это устранило большую часть людей чистой европейской крови на их территориях и привело к появлению нового и все более и более обиженного и возмущенного населения смешанной расы – тех, кто направил свою дерзость на европейцев и свое презрение на коренных жителей, которые остались жить в сельской местности.

Другая судьба ждала белых в Африке и Индии. Колониальные чиновники и администраторы, получившие образование в Итоне и Оксфорде, забыли уроки истории, которые должны были предупредить их о том, что либеральные реформы, внедренные для местного населения внезапно и неорганически, порождали возрастающие ожидания и затем не делали ничего, чтобы удовлетворить их, но зато они только разжигали жажду революции. Британцы думали, что их передовая цивилизация и правление меньшинства освободят их от закона демографии; что индийцы и черные африканцы полюбят их и будут благодарны им за британскую «цивилизационную миссию», которая принесла цветным расам прогресс и привела их в «просвещенную» эпоху. Они идеализировали империализм, чтобы польстить самим себе. Это резкая оценка группы, которой я восхищаюсь; особенно с учетом того, что в девятнадцатом веке большинство британцев искренне полагало, что они могли помочь поднять мир из глубин невежества – это даже было их обязанностью! Но они были слишком высокого мнения о своих благих намерениях и испытывали слишком мало уважения к природе, считая себя ее хозяевами, тогда как она все время была великим властителем, придающим форму подвластным ей людям. Цивилизация никогда не была победой над ее железным законом демографии – над инстинктами человека – но была окончательным и развитым выражением ее желания. Каждая цивилизация прошлого и настоящего была результатом того, что одни люди одерживали победу над другими. То же самое было справедливо и для крушения любой цивилизации. Диккенс сказал больше, чем он знал, в том несдержанном письме, когда он говорил об «истреблении», и показал больше человеческого трайбализма, чем он намеревался, когда фантазировал о том, что следует «стереть с лица земли» этих «восточных людей».

В этом нет ничего хорошего, но Сипайское восстание доказало то, что, казалось, происходило всегда, когда две (или больше) совершенно различные группы людей заселяли одну и ту же территорию. Люди, принадлежащие к одной группе, будут думать о тех, которые принадлежат к другой, и говорить сами себе, иногда с тоской и иногда с гневом, «насколько лучше всё это было бы – если бы только *они* ушли».

Примечания

1. Иллюстрация подписана «Индиец хвастается очаровательным конем перед королем Персии», в книге Andrew Lang, *The Arabian Nights Entertainments* (London: Longmans, Green, & Co., 1898), 359.
2. Чарльз Диккенс, «Письмо Анджеле Бёрдетт-Куттс, 4 октября 1857» в *Letters from Charles Dickens to Angela Burdett-Coutts, 1841-1865*, ed. Edgar Johnson (London: Jonathan Cape, 1953), 298.
3. Mary Boykin Chestnut, *Mary Chestnut's Civil War*, ed. C. Vann Woodward (New Haven, Conn.: Yale Press, 1981), 418.
4. См. Nikhil Bilwakesh's "Their Faces Were Like So Many of the Same Sort at Home': American Responses to the Indian Rebellion of 1857", in *American Periodicals* 21, no. 1 (2011) pp. 1-23. Эта статья пытается представить Мэри Честнат и ее современников отсталыми, а не проницательными людьми. Это ей не удается.
5. Винтовка Энфилда образца 1853 года (не путать с более поздней винтовкой «Ли-Энфилд») была дульнозарядным мушкетом с применением дымного пороха, но с нарезным стволом в отличие от гладких стволов мушкетов более ранних типов. Как уже было сказано, из нарезного ствола стреляли пулей Минье (разработанная французами коническая пуля), который получала в стволе круговое вращение, а не просто вылетала из него. Как сегодняшние патроны, патроны Энфилда были каждый заполнены порохом и пулей, но они были сделаны из бумаги, а не как наши современные патроны с медными или стальными гильзами. Обе стороны использовали эту винтовку (и «Спрингфилд») во время Гражданской войны в США. Это видео "britishmuzzleloaders" – хорошая демонстрация того, как нужно было заряжать и стрелять из винтовки «Энфилд» 1853 года:
<https://www.youtube.com/watch?v=CNIt8RvGP5M>
6. Жир, используемый для патронов, был, вероятно, смесью воска и жира, или сала животных, хотя неясно, сало каких именно животных использовалось для получения жира. Жир оленя и медведя были популярными используемыми животными жирами, но возможно, что некоторые из патронов также были покрыты жиром свиньи и/или коровы. Если это действительно имело место, то британцы и Ост-Индская компания были потрясающе беспечными.
7. Генри Парлетт-Бишоп, «Запись в дневнике, датированная 12 мая 1857» в *India During the Raj: Eyewitness Accounts*, ed. David M. Blake, *Collection of Diaries and Related Records*, British Library in London http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/india_during_the_raj_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx
8. См. R. R. Reno's *The Return of the Strong Gods: Nationalism, Populism, and the Future of the West* (New York: Regnery Gateway, 2019).

9. Есть длинная историография о различиях и определениях понятий «империализм» и «колониализм». В этом эссе понятие «империализм» применяется к широкому использованию власти и влияния, которое определенное государство использует по отношению к другим государствам или территориям, с приоритетом на ценности и/или экономику, которые формируют руководящую философию империи. «Колониализм» – форма империализма, основными чертами которой являются прямой правительственный контроль и регулирование, исходящие из «метрополии» (и иногда из ее других колоний, как это имело место, когда индийцы переезжали в Южную Африку в девятнадцатом и двадцатом веках). Примером империализма, но не колониализма была «Политика открытых дверей» в Китае, который предоставил Великобритании и другим западным державам, наряду с Японией, благоприятный доступ к китайской торговле; но кроме Гонконга у британцев не было в Китае никаких колоний.

10. Maya Jasanoff, "Collectors of Empire: Objects, Conquests and Imperial Self-Fashioning," in *Past & Present*, no. 24 (August 2011), pp. 109-135, 121.

11. Thomas Babington Macaulay, *The Miscellaneous Writings and Speeches of Lord Macaulay*, Popular ed. (London: Longmans, Green, and Co., 1889), 572.

12. Октавиус Ладлоу Смит, «Письмо, датированное 6 июня 1857», в *India during the Raj*.

13. Есть некоторые споры относительно того, отдал ли сам Нана Сагиб приказ убить заложников, или же кто-то из его помощников сделал это без его ведома. Эта альтернативная теория, как может показаться, слишком уж неправдоподобна, но Сипайское восстание было хаотическим делом, в котором руководство, особенно среди мятежников, было слабым и неорганизованным. Потому не столь невозможным кажется предположение, что кто-то взял на себя «решение» проблемы пленников независимо от Нана Сагиба. Однако я придерживаюсь того, что, как я думаю, произошло с наибольшей вероятностью.

14. Кэтрин Бартрам, «Записи в дневнике, датированные 12 июня, 17 августа, и 17 ноября 1857», в "*India during the Raj*".

15. Tapan Raychauduri, "British Rule in India: An Assessment" in *The Cambridge Illustrated History of the British Empire*, ed. P. J. Marshall (New York: Cambridge University Press, 1996) pp. 357-369, 359.

16. «Сипайский мятеж», в *London Times*, 24 октября 1857, А6.

17. Джон Рассел Колвин, «Запись в дневнике, датированная 15 июня 1837», в *India during the Raj*. Колвин был личным секретарем Генерал-губернатора лорда Окленда и позже вице-губернатором Северо-западных провинций до 1857 года.

18. Джеймс Фенн Кларк, «Запись в дневнике, датированная декабром 1846» в «*India during the Raj*». Он написал эти записи во время посещения своего отца, Хезекии Кларка из Бенгальской медицинской службы, и в ходе своих последующих путешествий.